

Глава 10. Новенький

Чэн Лян окинул взглядом вывеску над воротами — «Средняя школа Биньяна». Лениво зевнув, он поудобнее перехватил лямку заброшенного на плечо рюкзака и побрел внутрь.

Ему-то было все равно, где учиться. А вот для его благородного семейства ссылка Чэн Ляна в захолустную школу пониже рангом стала настоящим подарком. Главное — подальше с глаз, чтобы не мозолил им глаза. Он ведь ни на что не претендовал, ничего не просил. Но эти люди упорно отказывались оставить его в покое, не в силах вынести даже мысли о том, что у него все может быть хорошо. Они спали и видели, как он исчезает. Стирается из этого мира без следа.

Исчезнуть...

Чэн Лян горько усмехнулся.

У обочины замер черный представительский седан. Из салона вышел подтянутый мужчина в строгом деловом костюме — бодрый, но уже заметно лысеющий. На входе его, как и полагается, притормозил охранник, и лысый принялся демонстрировать ему какие-то бумаги.

— Подождите секунду, я наберу кое-кому, — бросил сторож и скрылся в своей будке.

Он отыскал в журнале номер приемной директора. Школьный городской телефон трезвонил раз за разом, но трубку никто не снимал — директора, скорее всего, не было на месте, а его личного мобильного у вахтера не водилось. Поколебавшись, охранник набрал дежурного завуча, директора Ли. На этот раз ответили почти сразу.

Директор Ли как раз совершал обход учебного корпуса, когда у него зазвонил телефон.

— Новенький? — переспросил он, нахмурившись.

Обычно переводы оформлялись через него: завуч регистрировал личное дело и распределял ученика по классам. Но такие вопросы всегда согласовывались загодя, документы присылали заранее, а тут человек уже стоит у ворот, а руководство ни сном ни духом.

Ли припомнил вчерашнее вечернее совещание. Директор действительно вскользь упоминал об этом деле. Сегодня тот уехал в департамент образования и поручил Ли уладить все формальности. Речь определенно шла об этом парне.

— Проводи их ко мне в кабинет, — скомандовал Ли. — Буду ждать.

Он толком не знал, кого именно перевели в их школу, и напрочь забыл наказ директора встретить гостя с особым почетом.

Вернувшись в кабинет, Ли налил себе чаю и не торопясь устроился в кресле.

Вскоре в дверь постучали.

— Здравствуйте, директор Ли, — вежливо произнес вошедший лысый мужчина.

Ли поднялся для рукопожатия, скользнув взглядом по стоящему позади него юноше. С виду парень был ничего: сложен хорошо, лицо приятное, вот только... завуч прищурился. В таком нежном возрасте — и уже проколото ухо? И ведь не просто дырка, а сверкает пирсинг! Школьник, а заявляется в приличное заведение с серьгой!

Первое впечатление было безнадежно испорчено.

— Рад встрече, — сдержанно отозвался Ли. — Это ваш сын? Должен сразу предупредить: правила в нашей Первой средней школе Биньяна суровые. Юношам запрещено носить длинные волосы, краситься, делать химическую завивку и уж тем более прокалывать уши. Все это никак не вяжется с обликом приличного ученика.

Лысый поспешно замахал руками:

— Нет-нет, вы неправильно поняли. Это молодой господин Чэн. Относительно внешнего вида — мы непременно примем ваши замечания к сведению. А пока, пожалуйста, ознакомьтесь с этим.

Мужчина достал из кожаного портфеля увесистую папку с документами.

«На дворе двадцать первый век, а они до сих пор общаются дореволюционными терминами. "Молодой господин", надо же», — мысленно хмыкнул Ли.

Он взял бумаги с явным скепсисом. Но стоило ему пробежать глазами первые строчки, как выражение его лица стремительно изменилось. От прежнего недовольства не осталось и следа. Вот она, разлагающая сила капитала во всей красе!

Завуч тут же расплылся в широченной, подобострастной улыбке:

— Ох, здравствуйте, здравствуйте! Так вы сын председателя Чэна! Ну что же вы с порога не сказали? Присаживайтесь, пожалуйста, обсудим все в более комфортной обстановке.

Обычные повадки чинуши, почуявшего большие деньги. Лысый понимающе кивнул и, обогнув рабочий стол, опустился на кожаный диван у стены.

— Молодой господин, присаживайтесь и вы.

— Директор Ли, меня зовут Чэн Лян, — ровным голосом перебил его парень.

Подобных сцен со взаимными расшаркиваниями он навидался с избытком. Особого раздражения они у него уже не вызывали — лишь глухое равнодушие и легкую брезгливость к спектаклю, разыгрываемому взрослыми.

Решив избавить себя от необходимости выслушивать фальшивые любезности, он обратился к завучу:

— Вы общайтесь, а я, пожалуй, пойду осмотрюсь. Хочу привыкнуть к новой школе. Дядя У, я буду снаружи.

— Иди, Чэн Лян, конечно, иди! — засуетился Ли. — Только помни про серьгу, на занятия в ней нельзя. И еще: в Первой средней школе Биньяна обязательна школьная форма.

Чэн Лян вежливо улыбнулся:

— Я понял. Как только мне выдадут форму, я все приведу в порядок. Всего доброго.

Напротив главного входа раскинулась огромная круглая клумба, облицованная красно-белой плиткой. От нее в разные стороны расходились четыре широкие каменные лестницы, окаймленные аккуратными зелеными газонами — типичный ландшафтный дизайн городских скверов. Судя по всему, здесь когда-то цвели пышные растения, но сезон уже прошел, и сейчас земля пустовала.

Посреди композиции возвышалась массивная каменная статуя Конфуция, бережно сжимавшего в руках раскрытый фолиант.

Чэн Лян невольно скопировал позу философа — скрестил руки на груди, прижав локти к ребрам. Бумажная книга в руках древнего мудреца почему-то показалась ему забавным анахронизмом.

Зданий вокруг было много, и он пока не понимал, где что находится. Шел урок, поэтому во дворе царила тишина. Чэн Лян неторопливо побрел вглубь территории, выбирая тенистые тропинки подальше от открытого солнца, слепившего глаза.

Тропинка вывела его к аккуратной беседке с белыми колоннами и выкрашенной в изумрудный цвет куполообразной крышей. Пол внутри был вымощен гладкими мраморными плитами. Ее окружал безупречно подстриженный газон, на котором красовались забавные таблички:

«Травка улыбается вам, обойдите стороной!»

«Береги зеленую красу, не топчи зеленую траву!»

Чэн Лян послушно обогнул газон, углубляясь в парковую зону. Здесь царила приятная прохлада. Кроны вековых деревьев почти полностью скрывали небо, а среди могучих стволов густо разросся молодой изумрудный бамбук. Его стебли были сочными, ровными и крупными. В воздухе отчетливо пахло влажной землей и свежей бамбуковой зеленью.

Он отыскал тихое, скрытое от посторонних глаз место и опустился на деревянную скамью.

Здесь ему предстояло провести следующие два года. Он сбежал из опостылевшего, погрязшего во лжи дома в этот заштатный городок. Туда, куда его фактически сослали в надежде, что он тихо сгинет в неизвестности.

Они искренне верили, что он смешается с грязью. Но с какой стати? Только потому, что с самого первого дня его рождения лежало клеймо позора? Разве он выбирал, у кого и где рождаться? Если бы выбор существовал, он предпочел бы вообще не появляться на свет.

Его вытесняли шаг за шагом, загоняя в это болото.

Глубоко запрятанная злость жгла грудь. Чэн Лян прекрасно понимал, что сейчас, будучи простым школьником, он бессилен. У него нет защитников, нет союзников, способных оградить его от чужого произвола.

Внезапный шорох в бамбуковых зарослях вырвал его из тягостных раздумий.

Чэн Лян замер. В такое время года в траве полно всяких гадов. Не хватало еще встретиться с какой-нибудь ядовитой гадюкой. Бамбуковая змея? Он никогда не видел ее вживую, но слышал, что ее укус смертелен — у нее характерное зеленое тело, которое легко перепутать со стеблем бамбука.

Неужели его путь закончится здесь, так глупо, от укуса мелкой рептилии?

Убежать от змеи вряд ли получится. Может, притвориться мертвым?

Но почему он так сильно дрожит? Паника лишь спровоцирует хищника. «Успокойся, Чэн Лян, это всего лишь змея. Тварь бессловесная и холодная».

Разве она может быть холоднее тех, кого он привык называть своей семьей?

«Если бросится — хватай пониже головы. Главное — скорость».

— Ты чего тут расселся?

Голос прозвучал так неожиданно, что у Чэн Ляна перехватило дыхание, а по спине покатился холодный пот. Сердце испуганно екнуло, и он вздрогнул.

— Черт! — выдохнул он, хватаясь за грудь. — Это я должен спросить! Зачем пугать людей до полусмерти?

В очередной раз подтвердилась старая истина: страшнее человека зверя нет.

— А, это ты... Как ты здесь оказался?

Когда из-за густых бамбуковых стеблей показался виновник переполоха, Чэн Лян едва не застонал. Надо же было столкнуться именно с ним. Какая нелепая насмешка судьбы — перед ним стоял Е Мянь.

Чэн Лян шумно выдохнул, пытаясь унять бешеный стук сердца. На дворе стоял удушливый июнь, но ему показалось, будто его обдало ледяным сквозняком. Наконец он справился с эмоциями и язвительно усмехнулся:

— Надо же. Тебе делать нечего, кроме как змеиные повадки изображать?

— Какие еще повадки? — Е Мянь озадаченно оглядел его с ног до головы. — Ты что, змеи испугался?

— Да нет, — буркнул Чэн Лян, отводя взгляд. — Просто тут один прямоходящий притворяется змеей.

— Иди сюда, покажу кое-что.

Е Мянь с абсолютно бесстрастным лицом завел Чэн Ляна за раскидистый бамбуковый куст. Земля там была усыпана толстым слоем сухой, скрученной листвы.

— Наступи сюда и послушай, — велел он.

Под подошвой раздался громкий, шуршащий хруст, действительно похожий на змеиное шуршание. Но все же звук отличался от движения живого существа.

— У тебя совесть нечиста, раз от каждого шороха вздрагиваешь? — прищурился Е Мянь.

Чэн Лян покачал головой:

— Вовсе нет. Просто задумался, а тут ты подкрался. Вот и вздрогнул.

— Понятно. Значит, боишься всяких гадов?

Всяческих скользких тварей, пауков и гусениц Е Мянэ не то чтобы совсем не боялся — скорее, они вызывали у него глубокое отвращение. Но перед другими он всегда мастерски разыгрывал полное хладнокровие.

Чэн Лян уже собирался было возразить, как вдруг услышал от Е Мянэ тихое:

— Не бойся.

Чэн Лян застыл с полуоткрытым ртом. Слова застряли в горле, а пальцы, сжимавшие лямку рюкзака, побелели от напряжения.

— Спаси... — начал он.

— Чего ты как девчонка дрожишь из-за ерунды? — хмыкнул Е Мянэ, не дав ему договорить.

Чэн Лян считал своим долгом заступиться за женский пол:

— Девчонки тут ни при чем. Любого нормального человека передернет, если на него свалится какая-нибудь склизкая мерзость вроде волосатой гусеницы или дождевого червя.

Е Мянэ понимающе кивнул:

— Да у тебя просто брезгливость повышенная.

Он вспомнил их первый совместный поход в лапшичную и то, как Чэн Лян тщательно протирал приборы. И то, как они ели рыбу у него дома: пока они с Сун Сяошу лениво таскали по кусочку, Чэн Лян методично очищал филе от костей, складывая его горкой в пиалу, прежде чем приступить к еде.

— Ну, возможно, — не стал спорить тот. Он и сам за собой такого не замечал.

Они устроились прямо на траве. Е Мянэ окинул спутника долгим, изучающим взглядом, а затем расстегнул и стянул куртку от школьной формы. Июньская жара уже давала о себе знать, но ходить в летнем комплекте — убогом и мешковатом — не хотелось совершенно.

— И как тебя на территорию пропустили?

— Обыкновенно. Через главные ворота зашел.

— Хм. Ты же без формы. И вахтер не вякнул?

— С чего бы ему вякать? У меня ее просто нет.

Е Мянью и сам видел, что Чэн Лян не похож на здешних учеников. Появись в их школе такой колоритный бунтарь, Е Мянью определенно прослышал бы о нем раньше.

— И что ты тут забыл в таком случае?

Поскольку за их плечами было уже целых две совместных трапезы, Е Мянью посчитал, что имеет право на некоторую фамильярность. Он достал сигарету, протянул пачку Чэн Ляну, а когда тот взял одну, щелкнул зажигалкой, делясь огоньком.

Чэн Лян затянулся, прищурившись от едкого дыма, и поднял взгляд к небу. Солнце нещадно слепило, заставив его зажмуриться и снова опустить голову.

— Я новенький. Перевелся к вам.

— Да ну? — удивился Е Мянью. — В каком классе?

— На первом году старшей школы.

Е Мянью тоже учился на первом году старшей школы, плавно переходя в одиннадцатый.

— Гуманитарный или физмат? — поинтересовался он. Любопытство брало верх: все-таки они теперь будут учиться в одной параллели.

Чэн Лян пожал плечами. Свои точные оценки он не помнил, но успевал одинаково хорошо по всем предметам. Правда, его семья — потомственная интеллигенция, так что...

— Наверное, гуманитарный. А ты?

— Я на физмате.

Тем временем в кабинете завуча лысый мужчина уладил последние формальности. Все документы были подписаны, взносы оплачены, и теперь Чэн Лян официально числился учеником Первой средней школы Биньяна.

Сам парень терпеть не мог общежития и просил не оформлять ему комнату, однако у его покровителей на этот счет имелось свое мнение. Ему недвусмысленно дали понять: если он хочет выжить в реальном мире, пусть учится уживаться с людьми. Так что лысому пришлось выкупить для него место в жилом корпусе.

— На параллели первого года старшей школы у нас двадцать учебных групп, — вещал директор Ли, потягивая чай. — Не считая трех профильных классов для спортсменов и художников, у нас одиннадцать классов естественно-научного направления и шесть — гуманитарного. Распределение уже завершено. Вы определились с профилем для вашего подопечного?

В бумагах этот пункт остался незаполненным, да и сам Чэн Лян ничего конкретного не сказал.

Лысый поднялся с дивана и уверенно произнес:

— Естественно-научный. Физмат.

Судьба Чэн Ляна была решена одним коротким словом.

— И в какой гуманитарный тебя определили? — спросил Е Мян, стряхивая пепел.

— Пока не знаю. Подожди секунду, телефон звонит.

Звонил дядя У. Он сообщил, что все документы в порядке и Чэн Лян может приступить к занятиям в любой момент. До конца полугодия оставалось от силы две недели, так что при желании можно было спокойно дожждаться сентября.

— Спасибо, дядя У. Дальше я сам справлюсь. Да, все хорошо. Встретил тут одного знакомого, он из местных. Проводит меня.

Заметил боковым зрением, что Е Мян поднялся и собирается уходить, Чэн Лян быстро попрощался, сбросил вызов и поспешил за ним.

Они вышли из бамбуковой рощи. Когда впереди показался учебный корпус, Чэн Лян окликнул спутника:

— Слушай, а где у вас тут каптерка или склад? Ну, где форму выдают?

— Иди прямо до первого перекрестка, потом направо. Снова прямо, затем налево — упрешься в библиотеку. Обойдешь ее с правой стороны, повернешь налево к главному корпусу, на первом этаже увидишь дверь с табличкой.

Е Мянй искренне восхитился собственной топографической памятью, хотя в незнакомых местах обычно терялся на раз-два.

Чэн Лян завис, растерянно глядя в экран телефона. Вид у него был настолько беспомощный, что Е Мянй вздохнул:

— Ладно, пошли, провожу. — Он затушил окурок о край урны и выбросил его.

У дверей выдачи формы Е Мянй остался ждать на улице, прислонившись к фонарному столбу. Вскоре из здания вышел давешний лысый мужчина в костюме. Они перебросились с Чэн Ляном парой слов, после чего мужчина, подхватив портфель, зашагал к выходу с территории.

Е Мянй не отличался излишним любопытством и лезть в чужие дела не собирався.

— Ну что, куда теперь? — спросил он, когда Чэн Лян подошел ближе.

— Мне нужно забрать комплекты одежды. Где их тут выдают?

Полуденные тени сжались до минимума. Они шли на небольшом расстоянии друг от друга, сохраняя дистанцию примерно в шаг.

Пожалуй, Чэн Лян был единственным, кто мог беспрепятственно дымить прямо посреди школьного двора на глазах у всех. Впрочем, сейчас на улице было пусто — все учителя либо вели уроки, либо отдыхали в прохладе кабинетов.

— Нам сюда, — указал Е Мянй на небольшую пристройку.

Заведующей складом оказалась пожилая дородная женщина, только что вернувшаяся с рынка с тяжелым пакетом зелени.

Е Мянй опустился на ступени крыльца и привычным движением прикурил новую сигарету. Сладковатый дым приятно туманил голову. Внезапно кто-то грубо ухватил его сзади за воротник куртки. Сильный рывок заставил его развернуться на триста шестьдесят градусов.

— Какого черта, Чэн Лян?! — рявкнул Е Мянй, едва удержавшись на ногах. — Ты опять за

старое? Жить надоело, подрасться хочешь?!

— Тихо-тихо, остынь. Чего ты сразу вспыхнул как порох?

— Будто сам бы не вспыхнул, если бы тебя так крутанули! Радуйся, что я тебя с этой лестницы не спустил!

Чэн Лян примиряюще поднял ладони и положил одну руку Е Мяню на плечо:

— Ладно, каюсь. Больше не буду. Не сердись, Брат Мян. Пойдем лучше внутрь, мне там кучу шмоток выдали, в одиночку все не утащу.

«Брат Мян твою налево...» — мысленно выругался Е Мян, но руку Чэн Ляна с плеча сбросил и нехотя зашел в каптерку. И зачем он только вызвался помогать этому оболтусу?

Комплектов оказалось действительно немало: два демисезонных, два облегченных летних и два теплых зимних. Итого шесть плотных свертков. Разделив ношу поровну, парни вышли на улицу. По дороге им то и дело попадались редкие прохожие, провожавшие эту странную пару удивленными взглядами. Е Мян чувствовал себя крайне глупо и едва сдерживал желание швырнуть эти тряпки прямо в дорожную пыль.

— Ты в каком классе-то в итоге? — спросил он, пытаясь отвлечься. — Раз уж ты теперь официально наш, одежду надо куда-то пристроить. С собой на уроки ее таскать — сомнительное удовольствие.

Чэн Лян нахмурился:

— Сейчас, погоди, наберу кое-кого.

Они остановились у подножия жилого корпуса первого года старшей школы. Навстречу им то и дело попадались ученики. Большинство из них прекрасно знали Е Мян, а вот его спутник вызывал у всех живой интерес. Два высоких, статных парня с охапками одежды, застывшие возле мужского туалета, выглядели, мягко говоря, колоритно.

Пока Чэн Лян слушал трубку, его лицо стремительно менялось. Расслабленная, шутливая маска сползла, обнажив ту самую мрачную, опасную злость, которую Е Мян уже видел раньше. Случайные зеваки, рискнувшие встретиться с ним взглядом, тут же поспешно отворачивались — связываться с приятелем Е Мян дураков не было.

— Надо же... — процедил Чэн Лян сквозь зубы. — Оказывается, меня еще и в общежитие заселили.

— Ну и отлично. Сгрузишь шмотки в комнату, и голова не болит.

Е Мянэ уловил его тяжелый, полный глухой ярости взгляд. Воздух между ними словно наэлектризовался. Они молча буравили друг друга глазами, и казалось, еще секунда — и здесь вспыхнет жестокая драка.

— Ха... Ну надо же, — вдруг глухо рассмеялся Чэн Лян, прижав ладонь к лицу. Его плечи мелко задрожали от нервного смеха. — Какая изящная забота. Просто умереть со смеху! Запереть меня в четырех стенах... Ладно, хрен с ними. Будет им общежитие.

Он глубоко вздохнул, заставляя себя успокоиться, и посмотрел на Е Мянэ уже вполне нормальным, хоть и усталым взглядом:

— Извини. Кажется, тебе придется проводить меня еще и до жилого корпуса.

— Пошли, — коротко бросил тот.

Всю дорогу до общежития они молчали, каждый погруженный в свои мысли. На вахте Чэн Лян предъявил временный ученический билет и карту для столовой, получив взамен у дежурного связку ключей.

Комнаты в общежитии Средней школы Биньяна были рассчитаны на четверых: двухъярусные кровати-чердаки с рабочими столами внизу, собственный умывальник и совмещенный санузел. Кондиционера не полагалось — под потолком уныло покачивались лопасти старого пластикового вентилятора.

Они поднялись на третий этаж и остановились у двери с номером «305».

Судя по обстановке внутри, здесь жили всего двое. Свободными оставались первая и четвертая кровати, расположенные ближе к выходу.

— Пожалуй, займу эту, — Чэн Лян сбросил охапку одежды на матрас у стены под номером один.

Е Мянэ в общежитии никогда не жил и не имел ни малейшего представления, ученики каких классов занимают комнаты в этом крыле и кто станет соседями его нового знакомого по триста пятой.